

Глава II

КОГДА ТРЕТЬЕГО НЕ ДАНО

В официальном ответе нашей делегации германского верховного командования, дававшего согласие вести переговоры о заключении перемирия, в 5-м пункте говорилось, что «день и час встречи обеих комиссий может быть назначен русским Верховным Главнокомандующим»¹. По предложению советской стороны начало переговоров отсрочивалось на пять дней, то есть до 19 ноября (2 декабря). Почему Советская власть предложила отложить начало общих переговоров,— а именно о них, об «общих» переговорах, постоянно вела речь советская сторона,— на пять дней?

Прежде всего потому, что вся враждебная большевикам пропаганда продолжала вести клеветническую кампанию, обвиняя Советскую власть в попытках сговориться с кайзеровской Германией за спиной союзных держав. Информационные средства стран Антанты, их различные представители на всех уровнях усиленно поддерживали эту версию. Они преследовали при этом двоякую цель: либо удержать Россию на своей стороне и заставить ее продолжать войну против Германии, либо свое нежелание ответить на мирные призывы Советской власти прикрыть шумихой об измене России своему союзническому долгу. По-прежнему игнорируя тот факт, что Духонин смещен СНК и объявлен врагом народа², союзные державы в лице США и Франции предприняли 14 ноября еще один демарш.

Как известно, подписи США не было под нотой протеста союзных военных миссий, переданной Духонину 10 ноября. 14 ноября военный представитель США при

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 28.

² См.: Известия ЦИК. 1917. 15 ноября.

Ставке подполковник М. Керт вручил Духонину официальное заявление. Ссылаясь на указание своего правительства, переданном ему американским послом, М. Керт доводил до сведения Духонина, что США и Россия вместе ведут войну против Германии и поэтому, подчеркивал он, «мое Правительство определенно и энергично протестует против всякого сепаратного перемирия, могущего быть заключенным Россией»¹.

В тот же день Духонину было передано письмо начальника французской военной миссии генерала Ж. Лаверня, в котором заявлялось официально, в частности, следующее: «Франция не признает власти Народных Комиссаров. Доверяя патриотизму русского верховного командования, она рассчитывает на его твердое намерение отклонить всякие преступные переговоры и держать в дальнейшем русскую армию лицом к общему врагу»². В письме также подчеркивалось, что «вопрос о перемирии является вопросом правительственным, обсуждение которого не может иметь места без предварительного запроса союзных правительств, и что вследствие этого никакое правительство не имеет права обсуждать самостоятельно вопросов о перемирии и мире»³.

Этот заключительный аккорд французского письма еще раз свидетельствует о том, насколько предусмотрительно поступило Советское правительство, отложив начало переговоров в Брест-Литовске на пять дней. Надо было перекрыть противникам переговоров о перемирии все каналы, которыми они могли бы воспользоваться для обвинения большевиков в сепаратном сговоре с Германией. Вот почему после получения известий из Двинска о согласии немецкой стороны на переговоры Советское правительство в тот же день, вечером 14 ноября, обращается к правительствам и народам воюющих стран с предложением присоединиться к переговорам о перемирии, назначенным на 19 ноября⁴. Обращение подписывают Л. Троцкий, В. Ульянов (Н. Ленин).

В документе подчеркивалось, что военные действия на русском фронте приостановлены, но никакие перемеще-

---

¹ Известия ЦИК. 1917. 18 ноября; Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 33.

² Там же.

³ Там же.

⁴ См.: Правда. 1917. 15 ноября; Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 28—30; Декреты Октябрьской революции. С. 97—100; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 58—59.

ния войск в течение пяти дней не должны иметь места ни с чьей стороны. Другими словами, Советская власть заявляла, что в своих действиях, направленных к миру, она учитывает и интересы союзных стран.

Подчеркивая историческую важность момента, не терпящего оттяжек и всевозможных канцелярских уверток, Совнарком прямо ставил вопрос: мы спрашиваем перед лицом их собственных народов и перед лицом всего мира, согласны ли вместе с нами приступить к мирным переговорам правительства наших союзников — Франции, Великобритании, Италии, Соединенных Штатов, Бельгии, Сербии, Румынии, Японии, Китая? Мы требуем ответа и от рабочих партий союзных стран — хотят ли они открытия мирных переговоров?

Документ обращался и к рабочим массам Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии. Советская власть не строила себе иллюзий, когда шла на контакты по вопросу о перемирии с Германией, она знала, с кем имеет дело, и в борьбе за мир очень надеялась на поддержку пролетариата стран Четверного союза, прежде всего, конечно, германского рабочего класса.

Разумеется, она надеялась и на поддержку и помощь народов союзных стран в борьбе за мир. И в этой связи в документе ставился вопрос: выражает ли дипломатия союзных стран мысли и стремления своих народов, согласны ли последние позволить дипломатии упустить великую возможность мира, открытую русской революцией? В заключение обращения Советское правительство заявляло: «Русская армия и русский народ не могут и не хотят дольше ждать... Если союзные народы не пришлют своих представителей, мы будем вести с немцами переговоры одни. Но если буржуазия союзных стран вынудит нас заключить сепаратный мир, ответственность падет целиком на нее».

Прошли только сутки, как немцы дали согласие на переговоры о перемирии, а Ленин уже пишет письмо генерал-майору С. И. Одинцову, который сразу же после Октябрьской социалистической революции добровольно стал служить Советской власти. Ленин обращается к нему 15 (28) ноября. Напомнив Одинцову, что он ранее предложил организовать группу штабных офицеров и генералов из числа квалифицированных военных специалистов, желающих заняться разработкой военно-технических вопросов перемирия, «которое бы позволило России, не нарушая ее интересов, получить приостановку воен-

ных действий», Ленин подчеркивал: «Я очень просил бы Вас, ввиду крайней спешности этого вопроса, собрать завтра же с утра Вашу группу и прислать мне завтра вечером хотя бы краткий конспект основных вопросов, пунктов и соображений договора о перемирии (определение линии фронта, условие о неотводе войска на другие фронты, меры контроля и так далее и т. п.), а также указать лицо или лица, которые могли бы, с полным знанием дела, участвовать непосредственно в переговорах»¹.

А Духонин и его окружение через Ставку продолжают общение с представителями военных миссий союзников. 15 ноября генерал заверяет их, что до решения вопроса о перемирии и мире, а это может сделать только «полномочная центральная власть», которая признавалась бы союзными державами, он, Духонин, примет все меры, чтобы война продолжалась².

Задиристый тон Духонина был вызван, конечно, и поддержкой, которую он постоянно ощущал со стороны военных представителей союзных держав в России, и, надо полагать, также и тем, что он знал не только об открывающейся 16 (29) ноября в Париже межсоюзной конференции, но и имел представление о той обстановке, в которой она готовилась. А намечена она была еще до социалистической революции в России, которая, безусловно, спутала все карты ее устроителям. Уже накануне открытия конференции началась обработка общественного мнения в союзных державах. О нарушении Россией своего обязательства не вступать в сепаратные переговоры о мире писала парижская буржуазная пресса³. В день открытия конференции английская печать призвала оказать поддержку Украинской Центральной раде, Каледину. Так, газета «Таймс» писала: «Игра не потеряна, она проиграна пока только наполовину... Для союзников весьма важно всеми возможными средствами связаться со всеми этими лояльными элементами... предоставив всякого рода поддержку всем тем, кто считает священными обязательства России»⁴.

В этих условиях ожидать, что открывшаяся 16 ноября в Париже межсоюзная конференция хоть мало-мальски выскажется позитивно в отношении миролюбивых предложений и призывов Советской власти, не приходилось.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 6—7.

² См.: Ознобишин Д. В. От Бреста до Юрьева. С. 35.

³ См.: Temps. 1917. 26 (13). XI.

⁴ Times. 1917. 29 (16). XI.

В самом деле, среди более полутора десятка стран, представленных на конференции, были Либерия и Сиа́м, но не было России, которую союзные державы сами таким образом исключили из числа государств, воюющих с Германией. Вскоре, видимо, спохватившись, они пригласили на конференцию посла бывшего Временного правительства в Париже В. А. Маклакова, да и то в качестве неофициального представителя, поскольку никаких полномочий он не имел. Кстати, Маклаков, «застряв» в Париже, в годы гражданской войны представлял там «правительства» Деникина, Колчака, Юденича.

Союзные державы не отвечали на обращение Советского правительства, призывавшего их присоединиться к мирным переговорам. Правда, английская сторона 16 ноября, то есть в день открытия межсоюзной конференции в Париже, посредством своего посла в Петрограде сделала неуклюжую попытку оправдать свое молчание, ссылаясь на то, что союзников при решении вопроса о мирных переговорах поставили, дескать, «перед уже совершившимся фактом, в предварительное обсуждение которого с ними не вступали»¹. В ответ тут же последовало разъяснение Наркомата иностранных дел, в котором особо подчеркивалось: «Открытое предложение немедленного перемирия всем народам — союзным и враждебным — было сделано Вторым Всероссийским Съездом Советов Рабочих и Солдатских Депутатов 26 октября»².

На следующий день, 17 (30) ноября, за подписью Троцкого было опубликовано повторное предложение союзникам присоединиться к мирным переговорам. В нем они еще раз через советскую печать извещались: «Военные действия на русском фронте приостановлены. Прелиминарные переговоры начнутся 19 ноября — 2 декабря. Совет Народных Комиссаров как раньше, так и теперь считает необходимым единовременное ведение переговоров вместе со всеми союзниками в целях достижения скорейшего перемирия на всех фронтах и обеспечения всеобщего демократического мира. Союзные правительства и их дипломатические представители в России соблаговолят ответить, желают ли они принять участие в переговорах, открывающихся 2-го декабря в 5 часов дня».

---

¹ Известия ЦИК. 1917. 18 ноября; Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 30—31.

² Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 30—31.

Одновременно Советское правительство не могло оставить без внимания уже имевшее место вмешательство союзных держав в дела России и в его суверенные права. 18 ноября (1 декабря) публикуется официальное заявление внешнеполитического ведомства нашей страны по поводу обращения М. Керта и Ж. Лаверня «с официальными документами» к смещенному за неповиновение Советской власти Духонину; авторы обращения позволили себе призывать Духонина «вести политику, прямо противоположную той, какую ведет» Совнарком «в полном согласии» с решениями Второго съезда Советов¹. В советском заявлении подчеркивалось: «Такое положение не может быть терпимо. Никто не требует от нынешних союзных дипломатов признания Советской власти. Но в то же время Советская власть, ответственная за судьбы страны, не может допустить, чтобы союзные дипломатические и военные агенты, во имя тех или других целей, вмешивались во внутреннюю жизнь нашей страны и пытались разжигать гражданские войны»².

Накануне открытия переговоров, 18 ноября (1 декабря), Ленин беседует с А. А. Иоффе перед его отъездом в Брест-Литовск в качестве председателя советской делегации, говорит о нашей позиции на этих переговорах, дает соответствующие указания на этот счет³. Продолжавший свои заседания в Петрограде Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов утвердил кандидатуры от левых эсеров в состав советской делегации: С. Д. Мстиславский, А. А. Биценко и Р. И. Сташков⁴.

18 ноября в печати за подписью Троцкого публикуется официальный текст радиogramмы Советского правительства правительству Австро-Венгрии. В ней говорилось о том, что министр иностранных дел Австро-Венгрии известил нас о согласии его страны приступить 19 ноября к переговорам о перемирии, что это сообщение будет немедленно доведено «до сведения русского народа, а также союзных народов и их правительств», а на переговоры будет послана «делегация Совета Народных Ко-

---

¹ См.: Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 33.

² Там же; Известия ЦИК. 1917. 18 ноября.

³ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 69.

⁴ См.: Буревестник. 1917. 21 ноября; Известия ЦИК. 1917. 21 ноября.

миссаров»¹. На следующий день печать сообщила, что и германский канцлер Гертлинг находит наши предложения приемлемыми для открытия переговоров². С такими же заявлениями выступили Болгария и Турция³.

18 ноября Троцкого в Смольном посетил американский генерал У. В. Джедсон. Беседа была весьма любопытной, и в ходе ее военный представитель США вновь демонстрировал, правда в очень изысканных дипломатических выражениях, отрицательное отношение своей страны к советским мирным предложениям, да и вообще к новой власти в России⁴. Во время визита Джедсон сказал Троцкому, что пока он не имеет известий от своего правительства по вопросу о признании Советской власти, однако счел необходимым посетить Смольный, дабы прояснить кое-что и рассеять возникшее между сторонами недоверие. «Время протестов и угроз по адресу Советской власти прошло,— подчеркивал генерал, явно желая сгладить у Советской власти отрицательное впечатление в связи с американским демаршем вставке перед Духоным,— если вообще это время существовало»⁵. И тут же поинтересовался, можно ли инцидент, связанный с протестом американской военной миссии, считать исчерпанным. Троцкий ответил, что формальная сторона дела не представляет интереса и может считаться исчерпанной заявлением Джедсона — «время угроз и протестов по адресу Советской власти прошло»⁶.

Американский генерал сказал также Троцкому, и, думается, в этом заключалась главная цель его визита в Смольный, что союзники вряд ли 19 ноября смогут начать переговоры. На это Троцкий ответил: мы будем делать все гласно, и союзные державы могут присоединиться на следующем этапе переговоров⁷. Это была, так сказать, неофициальная попытка обращения к благоразумию союзных держав. Начиная переговоры, Советская власть для всех держала двери открытыми.

Наступило 19 ноября, обусловленный день открытия

---

¹ Известия ЦИК. 1917. 18 ноября; Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 32.

² См.: Известия ЦИК. 1917. 19 ноября.

³ См.: *Майоров С. М.* Борьба Советской России за выход из империалистической войны. М., 1959. С. 115.

⁴ См.: Известия ЦИК. 1917. 19 ноября.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

переговоров о перемирии. И начинались они под несмолкаемый аккомпанемент обвинений Советской власти и большевиков во всевозможных мыслимых и немыслимых грехах. Но лейтмотив при этом был один — предательство интересов родины и народа, измена союзническому долгу. «Дело сделано,— писал 19 ноября один из периферийных органов кадетской партии.— Большевики могут торжествовать. Немецкие деньги взяты не даром. Россия не только изменила своим союзникам, не только предала европейскую демократию реакционному хищнику, но для высшего торжества этого хищника пошла через своих уполномоченных умолять торжествующего победителя о мире, очевидно «похабном»¹. Здесь кадетский орган воспользовался словом, которое впервые употребил большевик Чудновский в своем выступлении на заседании ВЦИК 10 ноября 1917 года².

Итак, советская делегация 18 ноября (1 декабря) выехала поездом в Брест-Литовск³. Делегация была очень представительной, и в то же время ее состав отражал глубокий демократизм Советской власти и те гуманистические цели, которые преследовала наша страна, начиная переговоры с державами Четверного союза. Первоначально состав нашей делегации был намечен в 15 человек, но затем она была значительно увеличена. В состав делегации в итоге вошло 28 человек⁴. Персонально и, так сказать, по тем обязанностям, которые все они должны были выполнять в составе делегации на переговорах о перемирии, это были следующие товарищи⁵.

В качестве уполномоченных — членов ВЦИК в делегации было 9 человек: Иоффе Адольф Абрамович (председатель делегации), Каменев Лев Борисович, Сокольников Григорий Яковлевич, Биценко Анастасия Александровна, Масловский Сергей Дмитриевич, Олич Федор Владимирович (матрос), Беляков Николай Кузьмич (солдат), Сташков Роман Илларионович (крестьянин), Обухов Павел Андреевич (рабочий)⁶. Последний — москвич⁷.

¹ См.: Астраханский вестник. 1917. 19 ноября.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 87.

³ См.: Сорин Вл. Ленин в дни Бреста. М., 1936. С. 5.

⁴ См.: Известия ЦИК. 1917. 26 ноября; Ознобишин Д. В. От Бреста до Юрьева. С. 44.

⁵ См.: Известия ЦИК. 1917. 26 ноября; Минц И. И. История Великого Октября. Т. 3. С. 348; Чубарьян А. О. Брестский мир. М., 1964. С. 87.

⁶ См.: Известия ЦИК. 1917. 26 ноября.

⁷ См.: Майоров С. М. Борьба Советской России за выход из империалистической войны. С. 115.

Первые пять членов делегации были видными деятелями в своих партиях: Иоффе, Каменев и Сокольников — в РСДРП(б), Биценко и Масловский — в партии левых эсеров. Четверо других как бы олицетворяли силы, бывшие ведущими при свершении социалистической революции: рабочий, крестьянин, солдат и матрос. Коротко скажем здесь об одном из видных деятелей партии левых эсеров, Масловском С. Д. Это его настоящая фамилия, а как политический деятель он больше известен под псевдонимом Мстиславского. Под этой фамилией он напишет в дальнейшем интересную книгу из истории революционного движения в России, посвященную Н. Э. Бауману, — «Грач, птица весенняя».

Далее в состав делегации входили так называемые «члены военной консультации» — девять крупных военных специалистов из числа офицеров бывшей царской армии, которые с установлением Советской власти отнеслись к ней более или менее лояльно. Старшим среди них был контр-адмирал Альтфатер Василий Михайлович¹. В составе военных консультантов были также капитан 1-го ранга Доливо-Добровольский Борис Иосифович, полковники Шишкин Владимир Иванович и Станиславский Андрей Васильевич, подполковники Мороз Феликс Антонович, Берендс Константин Юльевич, Сухов Василий Гаврилович, Фокке Д. Григорьевич, Ведин Карл Янович. В дальнейшем все они пошли служить в Красную Армию. Газеты писали, что всем включенным в делегацию военным консультантам «вменено в обязанность во время ведения переговоров отстаивать интересы русской армии и наших союзников с чисто военно-технической точки зрения»².

Десять человек входили в состав служебного персонала — «состоящие при делегации». Это — секретарь делегации Карахан Лев Михайлович, переводчики Соколов Владимир Петрович, поручик Щуровский Андрей Владимирович и Штукгольдт, юзисты (телеграфисты) Герберсон Карл Антонович, Иванов Василий Петрович и Артарьян Иван Павлович, переписчик Войшвилло Бронислав Иосифович, ординарцы Иванов и Коршунов.

19 ноября в 11 часов утра советская делегация прибыла в Двинск. Мы оставим ее на некоторое время здесь и обратимся к другой крайне важной акции, которую в

¹ См.: *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов 1917—1920 гг. М., 1988. С. 59.

² Известия ЦИК. 1917. 21 ноября.

этот день начала проводить Советская власть. Чтобы способствовать более успешному ведению переговоров о перемирии, надо было покончить с контрреволюционной ставкой в Могилеве, революционным путем прекратить ее существование, вносящее определенную двусмысленность в военную политику новой власти. И этот час настал.

Среди солдатских масс, особенно ближайших к Ставке Северного и Западного фронтов, равно как и солдат гарнизона Могилева, нарастало возмущение ее политикой, попытками затягивать решение вопросов войны и мира. Это недовольство имело вполне конкретный адрес — Духонин, открытое неповиновение которого распоряжениям СНК могло плохо закончиться для генерала. Советская власть не хотела кровопролития и сделала все необходимое, чтобы быстро и безболезненно решить вопрос о ликвидации контрреволюционной Ставки в Могилеве. По распоряжению СНК из Петрограда и со стороны Западного фронта на Могилев направлялись революционные отряды моряков и солдат. Все они были под общим командованием Н. В. Крыленко, который 19 ноября находился в Орше¹. Могилев и расположенная в нем Ставка брались в клещи. В 4 часа утра 19 ноября в Ставку прибыл от Крыленко состоявший при нем генерал С. И. Одинцов². После переговоров с генералами — сторонниками подчинения Ставки Советской власти выяснилось, что гарнизон города и охрана Ставки не будут оказывать сопротивления двигавшимся к Могилеву революционным силам. Дело в том, что в часы, когда Одинцов вел переговоры с военными Ставки, в городе произошли важные события. Могилевский Совет, преодолев сопротивление соглашателей, вынес постановление об избрании Военно-революционного комитета, который взял всю власть в городе и контроль над Ставкой в свои руки³. В своем первом же сообщении Военно-революционный комитет подчеркивал: «Всякая попытка нарушения спокойствия будет подавлена революционными мерами»⁴. Генерал Духонин был взят под домашний арест, но с исполнением служебных обязанностей до прибытия Крыленко⁵.

---

¹ См.: *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов 1917—1920 гг. С. 56.

² См. там же. С. 56—58.

³ См.: *Минц И. И.* История Великого Октября. Т. 3. С. 389.

⁴ Там же.

⁵ См. там же.

На следующий день, 20 ноября, в 10 часов утра верховный главнокомандующий Н. В. Крыленко во главе революционных войск и со своим личным штабом прибыл в Могилев и немедленно направился в Ставку для вступления в должность»¹.

Духонин, конечно, не мог не понимать, что дело сил, стоящих за ним и использовавших его положение, проиграно. Понял он, видимо, и бессмысленность дальнейшего сопротивления. Во всяком случае, Духонин не предпринимал в этом плане больше никаких активных действий накануне вступления в Могилев революционных войск во главе с Крыленко. Но признать новую власть он так и не смог, а в частных беседах не раз говорил, что не является противником переговоров о мире, но только не от имени большевиков². Более того, накануне прибытия Крыленко он направил в Старый Быхов, где под арестом содержались Корнилов и его единомышленники, предписание об освобождении их из-под стражи³. Духонин, конечно, воспользовался и беспечностью Военно-революционного комитета Могилева, который, взяв под охрану революционных войск Ставку, не сделал этого же в отношении Старого Быхова. В результате Корнилов в сопровождении верного ему отряда текинских конников, а также генералы Деникин, Марков, Орлов и другие бежали на юг, где немедленно занялись организацией похода против Советской власти.

Известие о бегстве генералов начало быстро распространяться по городу. В этот момент Крыленко и прибыл в Ставку, где ему тотчас сообщили, что поезд Духонина, на котором последнего должны были отправить в центр, окружен толпой, среди которой было много матросов. Кстати, и поезд Духонина охраняли матросы с «Авроры». Крыленко и сопровождающие его лица немедленно направились к составу. Здесь Крыленко произнес речь, убеждая людей отказаться от самосуда. Сначала они разошлись, но через короткий промежуток времени, когда, видимо, получили сведения о бегстве контрреволюционных генералов из Старого Быхова, стали вновь собираться у поезда, требуя немедленной выдачи им Духонина. Напрасно Крыленко увещевал их, заявляя, что он сам сию же минуту разжалует Духонина и отдаст им

¹ См.: Известия ЦИК. 1917. 22 ноября.

² См.: Волковичер И. Брестский мир. М., Л., 1928. С. 12—13.

³ См.: Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917—1920 гг. С. 58.

его погоны. Крыленко, люди его штаба, генерал Одинцов, матросы с «Авроры» с риском для жизни защищали Духонина от самосуда разъяренной вооруженной толпы. Она смяла их и обезоружила, ворвалась в вагон и выбросила оттуда Духонина на штыки. После этого убитого генерала положили обратно в вагон и толпа разошлась. Никаких эксцессов больше не было. Так закончил свою жизнь генерал Духонин¹. 20 ноября Крыленко издал приказ, в котором сообщал: «Ставка сдалась без боя. Последнее препятствие делу мира пало. Не могу умолчать о печальном факте самосуда над бывшим Главковерхом генералом Духониным. Народная ненависть слишком накипела. Несмотря на все попытки спасти его, он был вырван из вагона на ст. Могилев и убит. Бегство ген. Корнилова накануне падения Ставки было причиной эксцесса»².

А теперь вновь вернемся к нашей делегации, ехавшей в Брест-Литовск и, как мы сказали, 19 ноября в 11 часов утра прибывшей в Двинск. Там в это время проходил чрезвычайный съезд 5-й армии. Председатель армейского комитета Склянский сообщал, что участники съезда тепло встретили приглашенных товарищей из состава делегации — Каменева, Сокольникову, Биценко, Мстиславского, а также Обухова, Сташкова, Олича и Белякова³. Некоторые из них выступили на съезде. Каменев, говоря о тех, кто упрекает Советскую власть за то, что она начинает переговоры не с народом, а с генералами, подчеркивал: «Мы надеемся, что через головы генералов весть о мире дойдет до солдат, рабочих и крестьян Германии, и тогда мы уверены, что, если им придется выбирать между политикой своих генералов и братским предложением русского народа, они подадут нам руку через голову своего правительства»⁴.

Огромный энтузиазм масс, их революционный порыв, готовность сокрушить любые преграды, стоящие на пути заключения мира, и покончить с ненавистной войной — это захватывало всех и, конечно, находило отражение в выступлениях политических деятелей.

После выступлений на армейском съезде делегация в 14 часов 19 ноября поездом отбыла на 514-ю версту

---

¹ См.: Известия ЦИК. 1917. 22 ноября; Бердянская жизнь. 1917. 23 ноября; Амурский лиман. 1917. 26 ноября.

² Известия ЦИК. 1917. 21 ноября.

³ См. там же.

⁴ Там же.

Северо-Западной железной дороги и в 16 часов 30 минут того же дня прибыла в зону, где должна была по договоренности произойти встреча с немецкими представителями¹. Через несколько дней, 24 ноября, член делегации Мстиславский, выступая на съезде партии левых эсеров, расскажет присутствующим², что советская делегация с красным флагом пересекла линию наших окопов и двинулась по направлению к нейтральной зоне. Навстречу ей с белым флажком вышла немцы, встреча с которыми произошла в 17 часов 30 минут³. Германский офицер сделал «перекличку» членов нашей делегации по врученному ему списку⁴. Далее делегация, перейдя со встретившими ее лицами линию немецких окопов, которые, несмотря на дожди, были сухими и хорошо обустроенными, была размещена в двух вагонах с паровозом и по узкоколейке доставлена на ближайшую станцию, откуда в тот же день в 22 часа выехала в Брест, куда прибыла в 12 часов дня 20 ноября⁵. На брестском вокзале делегацию встретил комендант германской ставки Восточного фронта. Публика на вокзале была изолирована. После взаимных приветствий членов делегации на автомобилях в сопровождении германских офицеров доставили в цитадель, где были приготовлены помещения. С немецкой аккуратностью у каждого советского делегата в комнате были разложены письменные принадлежности — по 5 листов линованной и белой бумаги, по 5 конвертов, по 1 черному карандашу и 1 чернильному, по 1 ручке, по 2 пачки папирос и по коробку спичек⁶. На умывальниках лежало по куску туалетного мыла и висело по 2 полотенца.

И еще отметим один момент. При встрече на вокзале наших товарищей предупредили о желательности того, чтобы их прогулки не выходили за пределы территории, связывающей между собой места проживания членов делегации, а также с залом заседания конференции. Правда, потом делегации предоставили возможность на автомашинах в сопровождении германских офицеров посмотреть город, и те, кто воспользовался этим, говорили, что город сильно пострадал от стрельбы и пожаров.

¹ См.: Известия ЦИК. 1917. 21 ноября; Бердянская жизнь. 1917. 24 ноября.

² См.: Известия ЦИК. 1917. 27 ноября.

³ См. там же. 21 и 27 ноября.

⁴ См. там же. 28 ноября.

⁵ См. там же.

⁶ См. там же.

Выезжая на переговоры, советская делегация уже имела, так сказать, солидную «материальную основу» для их ведения. Мы имеем в виду «солдатские миры», которые в эти дни заключались на различных участках фронта. Так, 14 ноября на Западном фронте было достигнуто соглашение между представителями 67-й русской и 31-й германской пехотными дивизиями, при этом обе стороны обязались «озаботиться о дальнейшем распространении прекращения военных действий в соседних участках»¹. В этот же день было подписано перемирие между Военно-революционным комитетом Северного фронта и противостоящими частями немецкой армии². 15 ноября прекратились военные действия с противником на участках Гренадерской дивизии 2-й армии и 15-го армейского корпуса на Западном фронте, 11-го корпуса на Румынском фронте, 32-й дивизии на Юго-Западном фронте³. 18 ноября был подписан протокол о прекращении военных действий с противником на участке Особой армии на Юго-Западном фронте⁴. 19 ноября была достигнута договоренность о перемирии на участке 3-го кавказского корпуса на Кавказском фронте⁵. 20 ноября прекратила военные действия 11-я армия на Юго-Западном фронте⁶. 21 ноября наступило по взаимной договоренности замирение на всем протяжении Западного фронта⁷.

Советское правительство понимало, что это непреодолимое движение солдатских масс к миру необходимо ввести в русло общих принципиальных положений своей политики. Одновременно надо было помочь советской делегации в Брест-Литовске решать поставленные перед ней задачи. Вместе с тем необходимо было позаботиться и об интересах стран Антанты, не давать ни их правящим кругам, ни каким-либо внешним и внутренним недругам большевиков поводов для обвинения Советской власти в нарушении союзнического долга. Именно

¹ Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1917. 23 ноября; Минц И. И. История Великого Октября. Т. 3. С. 410.

² См.: Темкин Я. Большевики в борьбе за демократический мир. М., 1957. С. 347.

³ См.: Минц И. И. История Великого Октября. Т. 3. С. 410, 412; Бескоровайная А. Т. Партия большевиков в борьбе за мир. Автореферат. Киев, 1965. С. 12.

⁴ См.: Минц И. И. История Великого Октября. Т. 3. С. 411—412.

⁵ См.: Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1917. 23 ноября.

⁶ См.: Минц И. И. История Великого Октября. Т. 3. С. 412.

⁷ См. там же. С. 411.

поэтому Крыленко на следующий день после занятия Ставки, 21 ноября, издал приказ по армии и флоту за номером 16 248¹. В нем говорилось, что при заключении частных перемирий на различных участках фронта необходимо иметь в виду поездку нашей делегации в Брест-Литовск для заключения общего перемирия на всем фронте. В этом случае все частные перемирия будут терять силу, говорилось в приказе. Особо подчеркивалось положение относительно переброски войск. «Обязательным пунктом при заключении частичных перемирий,— указывалось в приказе,— должно входить условие о прекращении каких бы то ни было перебросок войск с фронтов договаривающихся сторон на какой-либо новый фронт, в особенности же с нашего фронта на фронты союзных армий². Советская Россия не пренебрегала интересами держав Антанты, которые постоянно искажали позицию нашей страны по этому вопросу. Пройдут годы, и Д. Ллойд Джордж в своих воспоминаниях скажет, как в неофициальной беседе представителей союзных держав с Крыленко последний «заявил, что он издал приказ, чтобы все соглашения о перемирии содержали оговорку о недопустимости переброски войск с одного фронта на другой»³.

Представители держав Четверного союза собрались в Брест-Литовске 20 ноября (3 декабря). Накануне «Правда» в передовой статье подчеркивала: «Рабочее и крестьянское правительство твердо решило добиться мира. Общего, если можно, сепаратного, если нам навяжут его союзные империалисты... Угрозы союзников-империалистов нас не устрашат... Попробуйте, господа, поднять ваши рабочие массы на крестовый поход против рабочей и крестьянской России, которая после сорока-месячной войны зажгла факел, указывающий путь массам пролетарской Европы»⁴.

Делегации Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции выглядели весьма внушительно⁵. Германию представляли: начальник штаба главнокомандующего

¹ См.: Известия ЦИК. 1917. 22 и 23 ноября.

² Известия ЦИК. 1917. 22 и 23 ноября; Минц И. И. История Великого Октября. Т. 3. С. 413.

³ Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. М., 1938. Т. 5. С. 92.

⁴ Правда. 1917. 19 ноября.

⁵ См.: Известия ЦИК. 1917. 26 ноября; Минц И. И. История Великого Октября. Т. 3. С. 348; Майоров С. М. Борьба Советской России за выход из империалистической войны. С. 116; Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 38; Чубарьян А. О. Брестский мир. С. 87.

Восточным фронтом генерал-майор Макс Гофман — председатель делегации, майор Бринкман из Генерального штаба, капитан 1-го ранга Горн, капитан Гей из штаба Восточного фронта, секретарь делегации ротмистр фон Розенберг и его помощник поручик фон Бюлов. От Австро-Венгрии делегацию возглавлял подполковник Генерального штаба Герман Покорный, в ее состав входили также майор Генерального штаба Франц фон Мирбах, секретарь делегации граф Эмерих Чакий фон Кережех и Адорьян, ротмистр фон Бергер. В болгарскую делегацию входили: в качестве ее председателя полковник Генерального штаба Ганчев и советник Анастасов. И, наконец, Турцию представляли: руководитель делегации генерал от кавалерии Зеки-паша, прикомандированный к нему ротмистр фон Шмидт и советник Эдем-бей.

Общее число членов делегации стран Четверного союза составляло 15 человек, и все они были военными¹. Последнее обстоятельство говорило за то, что делегации Четверного союза, среди которых ведущая роль принадлежала германской и ее руководителю генералу Гофману, придавали переговорам чисто военно-технический характер: они прибыли в Брест-Литовск решать именно эти вопросы, и никакие другие. Об этом же свидетельствовало также и то, что ведение переговоров было поручено главнокомандующему Восточным фронтом Леопольду Баварскому, который получил эти полномочия от верховного главнокомандующего германской армией генерал-фельдмаршала Пауля фон Гинденбурга и начальника морского штаба германского флота адмирала Генинга фон Гольцендорфа².

Перед открытием переговоров 20 ноября с небольшой речью выступил Леопольд Баварский³. Он выразил надежду, что общими усилиями всех делегаций будет достигнута желанная цель — заключено перемирие. Баварский также довел до сведения советской делегации, что на него германским верховным командованием в согласии со своими союзниками возложено общее руководство переговорами со стороны стран Четверного союза и он, Баварский, поручает представлять его на этих переговорах генералу Гофману. С ответным словом выступил председатель нашей делегации А. А. Иоффе, особо

¹ См.: Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 38.

² См.: Известия ЦИК. 1917. 26 ноября; Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 38.

³ См.: Известия ЦИК. 1917. 26 ноября.

подчеркнувший ту задачу, которую она прибыла решать в Брест-Литовск. «Мы явились сюда,— заявил Иоффе,— в качестве представителей народов революционной России, которая исполнена твердой решимости положить конец всеобщей войне общим миром, соответствующим справедливым стремлениям демократических масс всех воюющих стран»¹.

До открытия первого заседания между сторонами были согласованы некоторые вопросы. Наша делегация заявила, что она требует точного ведения протоколов всех заседаний и оставляет за собой право публиковать их без каких-либо изъятий². Это заявление было принято странами австро-германского блока. Поскольку каждая сторона вела протоколы на своем языке (речь шла только о русском и немецком), то была достигнута договоренность о создании редакционной комиссии, в которую вошли по три представителя от нас и немцев. Ежедневно после заседаний эта комиссия должна была сличать оба текста протоколов и утверждать их.

Первый этап мирных переговоров продолжался всего три дня — 20, 21 и 22 ноября (3, 4 и 5 декабря). 20 ноября в 16 часов 10 минут по средневропейскому времени (14 часов 10 минут) началось первое заседание, которое открыл генерал Гофман, пожелавший участникам успешной работы. После того как австро-немецкой стороной были предъявлены полномочия на ведение переговоров, а турками и болгарам к открытию первого заседания таковые еще не были получены, Гофман попросил советскую делегацию изложить свои предложения. Это сделал глава делегации А. А. Иоффе, огласивший декларацию о принципах мира³. В ее основе лежал советский Декрет о мире. Иоффе подчеркивал, что нашей целью является скорейшее достижение всеобщего мира без аннексий и контрибуций, с гарантией права на национальное самоопределение. Указав, что советская делегация уполномочена обсудить с представителями Четверного союза условия перемирия на всех фронтах, Иоффе далее заявил: «Мы предлагаем поэтому немедленное обращение ко всем не представленным здесь воюющим странам с предложением принять участие в ведущихся переговорах»⁴.

¹ Известия ЦИК. 1917. 26 ноября.

² См. там же.

³ См.: Известия ЦИК. 1917. 23 и 26 ноября; Документы внешней политики. Т. 1. С. 38—41.

⁴ Известия ЦИК. 1917. 26 ноября.

В ответ на это заявление генерал Гофман поставил перед нашей делегацией вопрос: уполномочена ли она говорить от имени своих союзников? И когда Иоффе объяснил, что Советское правительство обращалось к ним «с предложением принять участие в переговорах, но до сих пор не получило точного ответа», что наша делегация тем не менее считает возможным приступить к переговорам и в то же время вновь обратиться к своим союзникам с призывом присоединиться к ним, Гофман заявил об отсутствии у него полномочий на переговоры с неприсутствующими союзниками России. Одновременно он подчеркнул, что является военным и поэтому не считает себя компетентным и вправе говорить о политических вопросах. С этими его словами тут же выразили свое согласие представители Австро-Венгрии, Болгарии и Турции. Тогда Иоффе счел нужным заметить, что «русская делегация рассматривает вопрос о перемирии значительно шире, полагая, что оно должно явиться основой всеобщего мира, во имя которого и заключается перемирие»¹. Однако генерал Гофман, дипломатично соглашаясь с высказываниями Иоффе, вновь заявил, что со стороны Германии и ее союзников присутствуют только военные, «которые являются компетентными исключительно в обсуждении чисто военных вопросов перемирия»².

В разгоравшуюся дискуссию о характере начавшихся мирных переговоров вступил член советской делегации Каменев. Подчеркнув, что в ответах Германии и Австро-Венгрии, дававших согласие на открытие мирных переговоров в Брест-Литовске, «не видно действительного присоединения к тому всеобщему миру без аннексий и контрибуций, с гарантиями прав на самоопределение», которые провозглашены нашей революцией и являются нашей мирной программой, Каменев заявил, что «только о таком общем мире может идти речь»³. Касаясь вопроса об объеме полномочий, он говорил, что советская делегация имеет «поручение установить отношение представленных здесь стран к основам всеобщего демократического мира»⁴. Но Гофман продолжал ссылаться на отсутствие полномочий обсуждать вопросы мира, подчеркивая, что «прежде всего должны быть приостановлены военные действия для того, чтобы полити-

---

¹ Известия ЦИК. 1917. 26 ноября.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

кам дано было время и возможность вести переговоры о мире»¹. Генерал сказал также при этом, что срок перемирия можно ограничить, дабы не затягивать открытия переговоров о мире.

Выразив сожаление по поводу отсутствия на переговорах политических представителей стран Четверного союза и в связи с этим невозможности пока решить «вопрос об общем мире», Каменев, удерживая дипломатическую инициативу за советской делегацией, внес предложение, чтобы Германия и ее союзники обратились к не представленным на данной конференции воюющим странам с призывом присоединиться к переговорам о перемирии, то есть сделали бы шаг, аналогичный тому, который предприняло еще ранее Советское правительство. Гофман в ответ лишь подтвердил прежнюю позицию.

Видя бесполезность вести дальнейшие дискуссии по данному вопросу, советская делегация поставила вопрос об объявлении краткого перерыва. В тот день, 20 ноября, заседание возобновилось в 17 часов 50 минут (15 часов 50 минут) по средневропейскому времени. Оно было непродолжительным. Иоффе, вновь говоря о важности того, чтобы Германия и ее союзники обратились к не представленным на конференции воюющим странам с призывом присоединиться к переговорам об установлении перемирия на всех фронтах, предложил уполномоченным стран Четверного союза довести это заявление советской делегации до своих правительств и до получения ответа от них перейти к обсуждению условий перемирия. После того как Гофман сказал, что пожелание советской делегации будет доведено до сведения германского верховного командования, которое в свою очередь доложит его правительству Германии, и ответ, по мнению генерала, несомненно, будет дан, но для этого, естественно, нужно время, Иоффе заявил, что советская делегация доложит об этом в Петроград, а сейчас считает необходимым отложить обсуждение условий перемирия до заседания другого дня. Иоффе добавил при этом, что советской делегации необходимо время, для того чтобы выработать свой проект условий перемирия, а сегодня она обсуждать этот вопрос не в состоянии, поскольку не налажена ее телеграфная связь с Петроградом.

По-видимому, ход заседания после перерыва был несколько неожиданным для Гофмана, не ожидавшего та-

---

¹ Известия ЦИК. 1917. 26 ноября.

кой «неуступчивости» от советской делегации. Во всяком случае, теперь уже генералу пришлось ставить вопрос перед советскими представителями, не считают ли они все же возможным тотчас же перейти к обсуждению условий перемирия¹. Ответ был отрицательным. И тогда представитель Болгарии предложил в интересах дела изложить основные пункты перемирия, как его себе представляют Германия и ее союзники, на что советская делегация выразила согласие. Гофман очень коротко и практически формально, не желая, вероятно, до поры до времени раскрывать истинные цели германского империализма, сообщил те пункты, которые, по мнению стран Четверного союза, должны были быть обсуждены при заключении перемирия². На этом первый день работы представителей стран австро-германского блока и Советской России закончился.

21 ноября в 11 часов 40 минут (9 часов 40 минут) генерал Гофман открыл заседание второго дня работы конференции предложением выслушать советские условия перемирия³. С нашей стороны они были изложены контр-адмиралом В. М. Альтфатером⁴. Основные положения советского проекта условий перемирия сводились к следующему.

Перемирие заключается сроком на 6 месяцев. Если в это время мирные переговоры будут прерваны, то военные действия возобновляются не ранее чем через 72 часа.

Перемирие, то есть прекращение военных действий, распространяется на все фронты, на все рода войск — наземные, морские и воздушные.

На все время перемирия запрещаются переброски войск с одного фронта на другой, в тыл и обратно. В тыл могут перевозиться только уволенные, больные, раненые и отправляющиеся в отпуска военнослужащие. Из тыла — закончившие лечение и возвращающиеся из отпусков военнослужащие.

Германские войска очищают территории Даго, Эзель, Моон и другие из системы Моонзундских островов, которые никем из воюющих не занимаются, а также город Ригу. Морские силы обеих сторон покидают воды Рижского залива и района Моонзундских островов.

Когда контр-адмирал Альтфатер зачитывал условия

---

¹ См.: Известия ЦИК. 1917. 26 ноября.

² См. там же.

³ См. там же.

⁴ См. там же. 25 ноября.

перемирия, предлагаемые советской делегацией, представители стран Четверного союза заметно нервничали. Многим из них не нужно было дожидаться перевода, ибо они в достаточной степени знали русский язык, чтобы понять существо советских предложений. И когда их чтение закончилось, на мгновение наступила тишина, а затем генерал Гофман с неприкрытым удивлением высказал свое отношение к советским предложениям. Член советской делегации С. Д. Мстиславский, обращаясь к протокольным записям, писал в своей книге об этом моменте переговоров: «Генерал Гофман выражает прежде всего, с точки зрения верховного командования, свое удивление, что со стороны русской делегации предлагаются условия, как будто Германия и ее союзники были бы побеждены»¹.

Но Германии был очень нужен мир. Он был нужен ей в не меньшей степени, чем нам. На востоке маячила совсем непризрачная надежда разрешить или, по крайней мере, смягчить продовольственный кризис, который уже фактически разразился в Австро-Венгрии и Турции, и тем самым удержать их от выхода из союза центральных держав, от соблазна пойти на сепаратный мир. На востоке, наконец, отчетливо вырисовывалась не столь далекая перспектива ликвидации фронта и возможность в связи с этим переброски дополнительных военных сил в западном направлении, против армий стран Антанты. Германия и ее союзники отдавали себе отчет в том, что мощь Антанты будет возрастать, так как поток военных сил США в Европу постепенно стал увеличиваться. И Германия спешила воспользоваться благоприятно складывающейся для нее обстановкой на востоке.

Поэтому генерал Гофман и не отверг с порога советских условий перемирия, а стал высказываться по отдельным их пунктам. Он сразу же выступил против длительного его срока, апеллируя к тому, что советская делегация сама все время настаивала на том, чтобы перемирие непосредственно перешло в переговоры о мире. Генерал, подчеркивая, что это и желание Германии, говорил о более коротком сроке перемирия.

В дискуссию с ним по этому вопросу вступил Каменев, заявивший, что по договоренности об условиях длительного перемирия должно быть достигнуто соглашение о кратковременном приостановлении военных дей-

¹ Мстиславский С. Д. Брестские переговоры. Пг., 1918. С. 76; Известия ЦИК. 1917. 26 ноября.

ствий, «во время которого русское правительство имело бы возможность еще раз обратиться к своим союзникам с предложением принять участие во всеобщем перемирии на всех фронтах»¹. И когда Гофман заявил о приемлемости этого предложения для держав Четверного союза, Каменев сказал, что для советской делегации важно установить принципы длительного перемирия, так как это давало бы время для ведения мирных переговоров, облегчало бы «возможность примкнуть к перемирию здесь не присутствующим воюющим странам, и, таким образом, борьба народов России за мир получила бы под собой более широкую базу»². Но последнее заявление Каменева вызвало ответную реакцию генерала, вновь подчеркнувшего, что он не имеет полномочий «входить в обсуждение мирных предложений и мирных условий»³. Высказывая же свою личную точку зрения на этот счет, Гофман выразил сомнение в том, чтобы центральные державы обратились «с просьбой к своим врагам об открытии мирных переговоров»⁴.

Изложение позиций сторон по этому вопросу заняло чуть более получаса, когда по предложению болгарской делегации был объявлен короткий перерыв, после которого генерал Гофман выступил с разъяснениями по дискутируемому вопросу. Заявив, что вопрос о мире и всеобщем перемирии был уже исчерпан на заседании 20 ноября и русская делегация приняла это к сведению, согласившись вступить в переговоры о перемирии между армиями России, с одной стороны, и Германии и ее союзников, с другой, Гофман сказал: «Совершенно невозможно установить условия всеобщего перемирия без того, чтобы не присутствующие здесь воюющие державы предъявили свои соответственные предложения. Дело русского правительства обратиться к своим союзникам, согласиться с ними об условиях перемирия и мира и затем предложить эти условия Германии и ее союзникам»⁵.

Приняв к сведению это заявление, Иоффе предложил перейти к обсуждению пунктов советских условий перемирия. Стороны заинтересованно их обсуждали, по их просьбам объявлялись перерывы для нахождения

---

¹ Известия ЦИК. 1917. 26 ноября.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Известия ЦИК. 1917. 26 ноября.

взаимоприемлемых формулировок. Возникали острые и бескомпромиссные словесные стычки. Вопросы, связанные с дислокацией войск, их переброской и заменой, с установлением демаркационных линий между вооруженными силами двух сторон, были чрезвычайно важны в первую очередь для Германии, которую не устраивали соответствующие предложения в советском проекте условий перемирия. Например, советское требование об очищении Моонзундских островов или наше предложение об установлении демаркационной линии на Балтийском море вызывались военными обстоятельствами: нельзя было оставлять в руках Германии плацдарм для броска на Петроград, равно как надо было и лишить германский флот возможности легко высадить десант на советском побережье¹. И уж конечно Германию совершенно не устраивал тот пункт в советских условиях перемирия, согласно которому запрещалась переброска войск австро-германского блока против стран Антанты, то есть на западный и итальянский фронты.

Поэтому генерал Гофман заявил, что германское верховное командование категорически отклоняет русское предложение об очищении островов Рижского залива, то есть Моонзундских². Выразила противная сторона несогласие и с советским предложением о демаркационной линии на Балтийском море³. Но особенно резкие возражения были у нее против запрещения перебрасывать войска с Восточного на Западный фронт. И смысл контрпредложения стран Четверного союза сводился к тому, чтобы за обеими сторонами сохранить право на свободу действий в вопросах, связанных с высвобождением и расквартированием войсковых частей⁴.

Следующее заседание было открыто Гофманом 22 ноября (5 декабря) в 12 часов (10 часов) дня выступлением А. А. Иоффе⁵. Последний говорил, что предложены два варианта условий перемирия — советский и стран австро-германского блока. В них есть разночтения, которые обусловлены отчасти различным характером имеющих полномочий у сторон. Глава советской делегации заявил, что обо всем этом было сообщено нашему верховному командованию, которое сегодня

¹ См.: Минц И. И. История Великого Октября. Т. 3. С. 349.

² См.: Известия ЦИК. 1917. 27 ноября.

³ См.: Минц И. И. История Великого Октября. Т. 3. С. 350.

⁴ См. там же.

⁵ См.: Известия ЦИК. 1917. 27 ноября.

ночью передало нам, что возникшие разногласия должны быть им обсуждены вместе с делегацией. В этой связи, говорил Иоффе, наша делегация вносит предложение о перерыве в заседании на неделю, с тем чтобы продолжить работу в 14 часов дня по среднеевропейскому времени 12 декабря (29 ноября в 12 часов дня). Одновременно мы предложили, если не будет возражений, возобновить работу в Пскове, сохранив для контактов ранее установленный порядок телеграфной связи¹.

Выразив сожаление в связи с необходимостью отложить на неделю переговоры о перемирии, генерал Гофман заявил, что это советское предложение тем не менее принимается. Что же касается нашего предложения относительно перенесения места заседания в Псков, то оно было отвергнуто по техническим причинам, так как в Брест-Литовске, мол, уже все налажено для работы делегаций, включая и средства связи. При опубликовании русского текста протокола этого заседания советская делегация здесь сделала примечание, которое гласит: «В этом месте протокол не вполне точен. Главным доводом делегации противной стороны против продолжения совещания не в Брест-Литовске было указано на невозможность для уполномоченных Германии покинуть Ставку (Брест-Литовск) даже на короткое время, так как они все по своему служебному положению не могут покинуть армию»².

Соблюдая дипломатический этикет, Иоффе выразил надежду на согласие нашего верховного военного командования продолжать заседания в Брест-Литовске, подчеркнув, что, предлагая Псков, советская делегация хотела этим ответить на гостеприимство другой стороны. На этом официальная, если можно так сказать, часть заседания закончилась. Однако Гофман предложил «продолжать переговоры, не обязывающие ни к чему обе стороны», поскольку, как он сказал, русской делегации все равно придется оставаться в Брест-Литовске до подготовки для нее экстренного поезда, а это будет сделано только к 22 часам³. Гофман сказал, что, может быть, в этих переговорах делегации достигнут «единогласия по отдельным пунктам условий перемирия», и советские уполномоченные ответили на это согласием⁴.

¹ См.: Известия ЦИК. 1917. 27 ноября.

² Там же.

³ Там же.

⁴ См. там же.

Генерал внес также предложение заключить особое перемирие на предстоящую неделю, чтобы, как он сказал, «урегулировать на время перерыва в переговорах взаимные отношения между армиями»¹. Советская делегация это германское предложение отклонила на том основании, что взаимные отношения между вооруженными силами представленных в Брест-Литовске стран уже определены приказами с каждой стороны, и надо только подтвердить нынешнее состояние «фактического перерыва военных действий»². Однако Гофман, сославшись на то, что, несмотря на издание таких приказов, «на отдельных участках фронта боевые действия продолжались», вновь стал говорить о важности вместо этих приказов с каждой стороны «заключить двустороннее соглашение о прекращении боевых действий»³. После обсуждений советская делегация ответила согласием. Стороны тут же поручили специальной смешанной подкомиссии составить такой проект соглашения о прекращении боевых действий. К концу этой неофициальной части заседания он был составлен и принят⁴. В нем говорилось, что для облегчения ведущихся переговоров стороны условились о следующем.

Прекращаются военные действия между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией, с другой, на срок с 12 часов дня 24 ноября (с 14 часов 7 декабря) до 12 часов дня 4 декабря (14 часов 17 декабря).

Обе стороны имеют право возобновить военные действия, предупредив об этом за три дня.

Приостановка военных действий распространяется на все сухопутные и воздушные силы сторон от Черного до Балтийского морей, равно как и на русско-турецкий фронт.

Германские сухопутные силы, расположенные на Моонзундских островах, включаются в это общее положение о приостановке военных действий. Воздушным силам сторон разрешается производить полеты только над «своим» водным пространством и запрещается летать над сушей «другой» стороны. Запрещается обстрел побережья с моря.

---

¹ Известия ЦИК. 1917. 24 и 27 ноября.

² Там же. 27 ноября.

³ Там же.

⁴ Там же.

Войсковые единицы от дивизии и выше могут перебрасываться, если распоряжение об этом было издано до 22 ноября (5 декабря) включительно.

Все частные перемирия на фронтах теряют свою силу в связи с принятием этого общего соглашения.

По числу участников переговоров в Брест-Литовске (Россия, Германия, Австро-Венгрия, Болгария и Турция) документ этот был составлен в пяти экземплярах.

Стороны же в это время перешли, по предложению Гофмана, «к неимеющему обязательной силы обсуждению условий перемирия»¹. Контр-адмирал Альтфатер стал пункт за пунктом зачитывать и сравнивать два текста условий перемирия — советский, с одной стороны, и государств Четверного союза — с другой². Военные эксперты нашей делегации тщательно изучили проект условий перемирия противной стороны, и поэтому возражения советских представителей были весьма весомыми. Приведем примеры.

Один из пунктов документа стран австро-германского блока распространял перемирие на находившиеся в Македонии русские силы, которые державы Четверного союза предлагали перевести обратно в Россию³. Советская делегация возразила против такой редакции, разъясняя, что русские войска не только в Македонии, но и во Франции находятся под командованием соответствующих союзных главнокомандующих и вопрос об этих силах должен быть предметом особого соглашения с союзниками, то есть, как предложила записать этот пункт советская делегация, он «подлежит предварительному обсуждению Правительством России с союзными ей державами».

Еще пример. Державы Четверного союза записали в своих предложениях, что нейтральная Персия очищается турецкими и русскими силами, на что также последовало возражение нашей делегации, которая заявила, что об этом следует договариваться не с Турцией или Германией, а с самой Персией, и поэтому она предложила записать, что «вопрос об очищении Персии требует особого соглашения с Персией».

Замечаний и возражений подобного рода было у советской делегации достаточно, и это тоже в значительной мере определило временный перерыв в заседаниях

¹ Известия ЦИК. 1917. 27 ноября.

² См. там же.

³ См. там же. 28 ноября.

двух сторон. Вечером 22 ноября советские делегаты выехали в Петроград. В Брест-Литовске нашим представителем остался Л. Карахан, с которым продолжала работу небольшая группа военных экспертов¹.

Советскому правительству уже было известно, что в Брест-Литовске наметились разногласия по вопросу о праве перебрасывать войска с фронта на фронт, на чем настаивали страны австро-германского блока, мотивируя это тем, что Германия ведет войну на востоке и на западе². Нашей делегации было дано указание не уступать по этому пункту, а переговоры временно прервать для проведения консультаций с центром. И когда до открытия заседания третьего дня работы конференции в Брест-Литовске оставалось еще два часа, в Петрограде уже было к этому времени (в 10 часов утра) подготовлено правительственное сообщение о ходе этих переговоров³.

В нем кратко подводился итог первого этапа переговоров, а в заключение оно вновь оповещало страны Антанты о позиции Советской власти по вопросу о мире. «Союзные народы должны знать,— говорилось в сообщении,— что переговоры начались и что они будут продолжаться независимо от поведения нынешней союзной дипломатии. В этих переговорах, где русская делегация отстаивает условия всеобщего демократического мира, дело идет о судьбе всех народов, в том числе и тех воюющих народов, дипломатия которых сейчас остается в стороне от переговоров»⁴. И далее в советском правительственном сообщении подчеркивалось: «Союзные народы, их парламенты и в первую голову их социалистические партии должны сами немедленно решить, совместимо ли такое поведение союзной дипломатии с интересами союзных народов. Отстаивая в переговорах интересы союзных народов, Русское Правительство одним из главных условий перемирия поставило не переброску армий с Восточного фронта на Западный. Перемирие не может и не будет содействием одному милитаризму против другого. Но интересы союзных народов могут быть с успехом защищены лишь в той мере, в ка-

---

¹ См.: Известия ЦИК. 1917. 25 ноября; Минц И. И. История Великого Октября. Т. 3. С. 350.

² См. там же.

³ См.: Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 38—41.

⁴ Известия ЦИК. 1917. 23 ноября; Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 40.

кой сами союзные народы захотят и сумеют принять участие в переговорах и проявить свою волю к немедленному перемирию и демократическому миру»¹.

Три дня работы на первом этапе переговоров показали, что Германия и ее союзники заинтересованы в их продолжении. Какого-либо политического нажима на нашу делегацию на этом этапе переговоров они не оказывали, осторожно и весьма умело уклонялись от обсуждения всего того, что выходило за рамки чисто военных проблем, в процессе переговоров неизменно проявляли спокойствие и хладнокровие, а в отношении пребывания советской делегации в Брест-Литовске и ее обслуживания — вежливость и предупредительность. Твердость советской делегации при постановке принципиальных вопросов, например запрещения переброски войск с одного фронта на другой, не вызвала пока резких реакций со стороны делегаций австро-германского блока. Видимо, будет правомерным сказать, что на этом этапе шло взаимное «прощупывание» позиций, возможные пределы уступок. При этом противная сторона не афишировала широко ход переговоров. Так, в германских газетах о них публиковались лишь краткие информационные заметки². Надо также иметь в виду, что советская делегация, не имея никакого опыта в подобного рода делах, впервые садилась за стол переговоров лицом к лицу с представителями иной социальной системы для решения вопроса, от которого зависела будущая судьба самой новой власти.

---

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 40.

² См.: Известия ЦИК. 1917. 29 ноября.